

Информация для цитирования:

Елдинов О. А. Мотивация добровольцев в период Великой Отечественной войны (на примере Ростовской области) / О. А. Елдинов // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 3. — С. 365—383. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-3-365-383.

Eldinov, O. A. (2024). Motivation of Volunteers during Great Patriotic War (Case Study of Rostov Region). *Nauchnyi dialog*, 13 (3): 365-383. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-3-365-383. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

**Мотивация добровольцев
в период Великой
Отечественной войны
(на примере
Ростовской области)**

Елдинов Олег Александрович
orcid.org/0000-0001-9425-1705
кандидат исторических наук, доцент,
кафедра «Документоведение и
языковая коммуникация»
olegeldinov@yandex.ru

Донской государственный
технический университет
(Ростов-на-Дону, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено
за счет гранта
Российского научного фонда,
проект № 24-28-01265,
<https://rscf.ru/project/24-28-01265/>

**Motivation of Volunteers
during Great Patriotic War
(Case Study of Rostov
Region)**

Oleg A. Eldinov
orcid.org/0000-0001-9425-1705
PhD in History, associate professor,
Department of Document Studies
and Language Communication
olegeldinov@yandex.ru

Don State Technical University
(Rostov-on-Don, Russia)

Acknowledgments:

The study is supported
by Russian Science Foundation,
project number 24-28-01265,
<https://rscf.ru/project/24-28-01265/>

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена исследованию мотивов вступления граждан в добровольческие формирования в период Великой Отечественной войны. В качестве источниковой базы исследования используются архивные и опубликованные источники по истории добровольческого движения в Ростовской области. В основу исследования был положен военно-антропологический подход, позволяющий понять мировоззрение добровольца, качественные и количественные параметры добровольческого движения в донском регионе. Актуальность исследования обусловлена необходимостью привлечения большего внимания исследователей к тому, что определяло деятельность человека на войне. Подробный анализ фондов Центра документации новейшей истории Ростовской области позволил выявить характерные модели добровольчества. Автор приходит к выводу о том, что механизм воздействия агитации и пропаганды переплетается с глубоко личными мотивами сопротивления неприятелю. Предлагается классификация инструментов, оказывающих влияние на мотивы участников: это визуальные образы, государственная символика, работа агитаторов и пропагандистов, написание клятв. Новизна исследования видится в том, что автором поставлен вопрос о механизме воздействия на общественное сознание в конкретном регионе страны, который имел ограниченное время для подготовки населения к сопротивлению противнику.

Ключевые слова:

добровольцы; партизанское движение; Великая Отечественная война; мотивация; военная антропология.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article explores the motivations behind citizens joining volunteer formations during the Great Patriotic War. The study relies on archival and published sources on the history of volunteer movements in the Rostov region. The research is based on a military-anthropological approach, aiming to understand the worldview of volunteers and the qualitative and quantitative parameters of volunteer movements in the Don region. The relevance of the study lies in the necessity of attracting more attention from researchers to understand what drove individuals to act during wartime. A detailed analysis of the archives at the Center for Documentation of Recent History of Rostov Region revealed characteristic models of voluntarism. The author concludes that the mechanism of agitation and propaganda intertwines with deeply personal motives of resistance against the enemy. A classification of tools influencing participants' motives is proposed, including visual imagery, state symbolism, the work of agitators and propagandists, and oath-taking. The novelty of the research lies in the author's exploration of the mechanism influencing public consciousness in a specific region with limited time to prepare the population for resistance against the adversary.

Key words:

volunteers; partisan movement; Great Patriotic War; motivation; military anthropology.

УДК

DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-3-365-383

Мотивация добровольцев в период Великой Отечественной войны (на примере Ростовской области)

© Елдинов О. А., 2024

1. Введение = Introduction

Вопрос о границах между исторической наукой в национальных государствах эпохи модерна и исторической памятью является дискуссионным. «Познание неотделимо от ситуации, в которой оно происходит» [Словарь основных исторических понятий ..., т. 1, с. 203], поэтому научные представления академического сообщества историков и установки государственной исторической политики становятся частью исторической памяти общества.

В исторической памяти общества травматический опыт переживаемых войн определяет способ самоидентификации, формирует связь человека с государством. Важно понимать, что война остаётся не только спутником развития человеческой цивилизации [Трут, 2021, с. 10—12], но и одним из самых распространённых историко-психологических явлений, вокруг которого выстраиваются различные модели интерпретации истории. Военные действия меняют этику и социальный порядок мирного времени: то, что раньше казалось недопустимым, может становиться нормой и наоборот. Мотивы и поведение добровольцев Великой Отечественной войны, дают возможность использовать просопографический метод исследования и, как следствие, сформировать представления о «военном поколении» добровольцев-жителей Донского региона.

История Великой Отечественной войны продолжает оставаться важной, тематически насыщенной и дискуссионной исследовательской проблемой. Внимание историков сегодня направлено на изучение вопросов оккупации — проект «Без срока давности» [Уроки Змиевской балки ..., 2022]), различных дискуссионных и недостаточно исследованных вопросов историографии войны [Коробицына, 2019, с. 126—130; Кринко, 2023, с. 349—352].

Целями данного исследования стали выявление и анализ моделей мотивации добровольцев, сведений о мерах их морального и материального стимулирования и конкретной инструментальной поддержки со стороны го-

сударства в годы Великой Отечественной войны. Материалом исследования выступили источники, посвящённые добровольческому движению на территории Ростовской области в период Великой Отечественной войны.

Историография добровольческого движения в годы Великой Отечественной войны довольно репрезентативна. Так, в работах А. Д. Сеницына [Сеницын, 1973, с. 11—18], А. Д. Колесника [Колесник, 1988], Н. А. Кирсанова и С. И. Дробязко [Кирсанов и др., 2001, с. 60—75] проанализированы состав советских добровольческих формирований и их участие в боевых действиях. Современное состояние исследований по данной теме представлено в статье Т. Д. Медведева [Медведев, 2022, с. 146—153], где дан общий историографический обзор добровольческого движения в годы Великой Отечественной войны. Г. Д. Пилишвили анализирует влияние пропаганды на формирование частей и подразделений народного ополчения на территории РСФСР [Пилишвили, 2018, с. 171—177]. Автор отмечает массовый характер добровольчества, выявляет агитационно-пропагандистскую роль партийных, советских и комсомольских органов в стимулировании участия граждан в народном ополчении. В работе И. М. Савицкого были затронуты вопросы сопоставительного изучения мотивов добровольцев в зависимости от их численности, социального положения, партийной принадлежности, национальности и возраста [Савицкий, 2017, с. 189—196].

В ситуации войны трансформируются и модели поведения, и этические нормы партизан и добровольцев, что было проанализировано в работе О. Н. Литвиновой [Литвинова, 2016, с. 297—302].

Обобщающая историография, посвящённая теме добровольческого движения в свете новых подходов к изучению на территории Ростовской области, находится в стадии формирования, о чем свидетельствуют работы В. П. Трута [Трут, 2023, с. 38—43], К. М. Васильцова [Васильцов, 2020, с. 54—58].

Гипотезой исследования является тезис о сложной организации мотивационного компонента представителей добровольческого движения: дискретность мотивации добровольцев выражается в сочетании влияния государственной пропаганды и индивидуальных ценностей, что может объяснить различные модели поведения человека в условиях военных действий.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Накопление значительного эмпирического материала по истории добровольческого движения ставит перед нами задачу перехода от простых описаний к анализу представлений участников о своём военном опыте. Помимо анализа личных мотивов добровольцев, безусловно, важно понимать роль государства в формировании определённых политических и социальных установок.

Военно-антропологический подход делает возможным определить эти ментальные установки и мотивы, которыми располагали участники такого масштабного социального явления, как война. Одним из первопроходцев в изучения истории с данного ракурса (возможно, необходимо говорить даже о целом направлении) является Е. С. Сенявская, которая поставила в своих работах вопрос о «человеческом измерении» войны как феномена социальной жизни [Сенявская, 1995, с. 218]. В работах автора сформированы источниковедческие аспекты военно-исторической психологии: выделены три группы источников, характеризующих войну как глубоко личный феномен. Во-первых, это источники, показывающие военные действия изнутри (письма, дневники, воспоминания), во-вторых, источники представляющие стереотипы массового сознания (фольклорные произведения). В-третьих, источники, «с разной степенью объективности фиксирующие деятельность и поступки людей, через которые проявляется их духовный облик» (политдонесения, материалы пропаганды, публицистика, печать) [Сенявская, 1995, с. 18]. О формирующейся историографической традиции военно-исторической антропологии свидетельствует работа Е. Ф. Кринко [Кринко, 2020, с. 4—13].

В свете поставленной нами проблемы военно-историческая антропология даёт широкие возможности для изучения темы добровольчества. Вопросы мотивации вступления в добровольческие подразделения подробно изучены в работе Е. Н. Боле [Боле, 2006, с. 232—246]. Автор даёт «узкое» определение добровольчества, подразумевая под ним «такое массовое явление, как подача заявлений в военкоматы страны с просьбой отправить на фронт» [Там же, с. 233]. Основываясь на анализе архивных материалов, исследовательница выделяет различные формы мотивации советских граждан: безусловно, на первом месте стояли патриотизм и желание защитить Родину, осознание долга; желание «искупить вину перед Родиной» у спецпереселенцев и заключенных; женская и юношеская модели помощи фронту; желание мести за потери; изменения в законодательстве, позволяющие улучшить положение близких родственников, находящихся в тылу.

Однако в свете изучения данной темы актуальной представляется задача расширенного толкования понятия «добровольчество». Так, Е. С. Сенявская использует понятие «воины по долгу», введенное социологом В. В. Серебрянниковым [Серебрянников, 1998]. К ним относятся «люди, которые независимо от своего субъективного отношения к войне, часто весьма негативного, оказавшись перед необходимостью защищать свою страну и семейный очаг от захватчиков, сами добровольно идут на войну» [Сенявская, 1999, с. 52]. Добровольчество в годы Великой Отечественной войны как феномен охватывало деятельность партизанских отрядов, народных ополчений и истребительных батальонов.

В рамках данного исследования было проанализировано влияние институциональных сил (партийных, государственных) на движение ростовских добровольцев. Отдельным инструментом, формирующим мотивацию, стала визуальная пропаганда. Официальная символика, связанная с государством и советским обществом, также определяла способы поведения добровольцев. Персональные мотивы к сопротивлению врагу делали проблему участия добровольцев в войне глубоко личной и формировали индивидуальные представления о действиях в условиях войны. Они позволяли сформировать собственные представления о борьбе, находящиеся вне принятой государством дискурсивной формации.

Источниковая база исследования представлена опубликованными источниками (содержащимися в тематических и общих сборниках документов), выявленными и проанализированными архивными источниками различного происхождения, материалами периодической печати и воспоминаниями участников рассматриваемых событий.

Из опубликованных источников необходимо отметить подготовленное специалистами архивных учреждений Ростовской области археографическое издание «Завещано помнить... Донские архивы — 70-летию Великой Победы : сборник документов и материалов». В данном сборнике опубликованы такие важные для исследуемой проблемы документы как, например, «Постановление бюро Ростовского обкома ВКП(б) «О народном ополчении в Ростовской области», «Постановление Новочеркасского горкома ВКП(б) «О создании истребительных батальонов для борьбы парашютными десантами противника», «Из доклада Мигулинского райкома партии Ростовскому обкому ВКП(б) о деятельности партизанского отряда “Донской казак”» [Завещано помнить... Донские архивы — 70-летию Великой Победы, 2015]. Данные источники позволяют сделать выводы об институционализации явления добровольчества в Ростовской области на начальном этапе войны. Важной вехой в вопросе публикации архивных документов, посвящённых исследуемой проблеме, стал сборник «И помнит мир спасенный... : сборник документов архивов Ростовской области» [И помнит мир спасенный..., 2020].

Сборник «Листовки донского подполья (1941—1943 годы)» содержит источники об агитационно-пропагандистских инструментах, используемых партизанами с целью побудить местное население активно поддерживать партизанское движение [Листовки ..., 1963]. К опубликованным источникам личного происхождения можно отнести письма добровольцев с фронта, освещающие личность и ее внутренний выбор, вне большого социально-политического контекста [Любимые, ждите!..., 2019; Летопись Победы ..., 2023].

Архивные источники, в том числе материалы Центра документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО) и Государственного архива Ростовской области (ГАРО), позволяют оценить влияние официального политико-идеологического дискурса на личные мотивы добровольцев, а также, что немаловажно, объяснить особенности изменения механизмов пропаганды среди населения. Анализ архивного фонда ЦДНИРО, а именно фондов Ф. Р-3. (Документы о партизанском движении в Ростовской области в годы Великой Отечественной войны); Ф. Р-9 (Ростовский обком ВКП (б)); Ф. Р-13 (Ростовский ГК КПСС), позволяет определить как личные и идеологизированные мотивы, так и вполне коллективистские ценности, двигавшие ополченцами и партизанами.

Материалы периодической печати позволяют выявить с разной степенью объективности зафиксированные действия добровольцев, через которые проявляется их мировосприятие и мироощущение. Периодика формировала стереотипные представления, в том числе о противнике, используя визуальные и речевые образы [«Крокодил», «Знамя Ленина»].

Таким образом, представленные группы источников позволяют проблематизировать ранее не получившую широкой историографической репрезентации тему мотивов жителей Дона к тому, чтобы активно вступать в добровольческие формирования периода Великой Отечественной войны.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Институционализация системы добровольчества в Ростовской области

Несмотря на то, что в историографии в целом рассмотрены основные мотивы добровольческого движения и даже представлены различные модели их классификаций, вопросы об инструментах формирования этой мотивации в советском обществе остаются практически неизученными. Так, в первые дни войны население Ростовской области встретило сообщение о войне «с большим патриотическим подъёмом и готовностью на любые жертвы для защиты нашей Родины» [Завещано помнить..., 2015, с. 18]. Например, в одном только Вёшенском районе области на второй день войны — 23 июня 1941 года добровольцами записались 81 человек. Большое значение, как и в предвоенные годы, уделялось активизации пропаганды. Средствами ВЛКСМ необходимо было не просто добиться охвата пропагандистской работы в публичных местах, но и «закрепить к 1 июля 1941 года за комсомольскими организациями отдельные кварталы и жилые дома для ведения в них постоянной агитационно-пропагандистской работы» [Там же, с. 22]. Всеобъемлющая модель пропаганды давала свои результаты: летом 1941 года система агитационно-пропагандистских ме-

роприятий была довольно слаженной. Согласно постановлению президиума Ростовского облисполкома от 25 июня 1941 года отдельным направлением привлечения добровольцев к работе стало привлечение их к участию в функционировании истребительных батальонов «групп содействия из числа проверенных коммунистов, комсомольцев, советской общественности и актива» [ГАРО, ф. Р-3737, оп. 5, д. 37, л. 86—86 об.]. С одной стороны, добровольчество становится явлением, которое находится под контролем государственных и партийных органов. Так, Новочеркасский горком ВКП(б) в постановлении предписывает 26 июня создать такой батальон «в 200 человек» в суточный срок [Завещано помнить..., 2015, с. 25].

Добровольная мобилизация затронула и социальную сферу Ростовской области. 26 июня 1941 года был поставлен вопрос о большем привлечении медсестер и сандружинниц в системе Общества «Красного Креста». Необходимо было укомплектовать 10 групп медсестер и 37 групп сандружинниц, причем из тех, кто желал добровольно попасть в данные группы, но не смог, формировались учебные группы при городских и районных здравотделах [Там же, с. 24]. Необходимость скорейшего обучения рабочим специальностям в период кризиса на фронте предопределила применение таких инструментов, как «призыв» («мобилизацию») и «добровольный набор» в ремесленные железнодорожные училища по городам. Всего необходимо было призвать 5400 человек, большую часть — из Ростова (2455 чел.) и Таганрога (1500 чел.) [ЦДНИРО, ф. Р-9, оп. 1, д. 310, л. 159.].

Какие же факторы оказывали определяющее влияние на такой непростой и ответственный выбор человека в рассматриваемый период и что стимулировало его к вступлению в добровольческие формирования? Представляется возможным выявить группы социально-политических инструментов, оказавших подобное влияние на советского гражданина.

3.2. Визуальная пропаганда и символика как инструменты влияния на мотивацию добровольцев

Одним из таких способов стало идеологическое воздействие с помощью визуальной пропаганды. Визуальные практики воздействия на сознание включали в себя различные жанры: плакатное искусство, карикатуры, агитационные листы, кинохроники и кинематограф. Систематическое формирование образа врага в довоенный период и на протяжении военных лет способствовало закреплению четкой антифашистской позиции. Так, например, карикатура являлась эффективным приёмом конструирования образа врага. Плакаты, карикатуры и кино представляли собой эффективный спектр пропагандистских инструментов для интерпретации настоящего, прошлого и будущего [Романов и др., 2009, с. 11].

Большое значение имели сатирические карикатуры журнала «Крокодил», активно критикующие нацизм как социальное и политическое явление еще в предвоенные годы. В выпусках журнала сформирована прямая критика фашизма: художники изображают сторонников данной идеологии в виде зооморфных существ, которым не присуще ничего человеческого. Такой подход в карикатурном жанре оказывал большое влияние на зрителя, закрепляя у советских граждан устойчивые представления о том, кто им противостоит.

Агитационные плакаты распространялись с целью поддержать мужество советского народа. Образ последователей нацистов античеловечен по своей внутренней природе. Советские карикатуристы подчёркивали популизм и примитивность лозунгов национал-социалистов, что в свою очередь препятствовало вовлечению человека в сотрудничество с врагом. Интересно, что в вербальных характеристиках захватчиков также довольно часто использовались метафоры, обесчеловечивающие противника. Так, в сравнительно небольшой листовке комсомольско-молодёжной подпольной инициативной группы слово «зверства» используется два раза [Листовки ..., 1963, с. 27]. В агитационном материале партизанского отряда «Отважный-2» сказано, что «...фашисты, чувствуя свою и расплату за злодеяния, звереют...» [Там же, с. 31]. В листовках партизанских отрядов Ростова-на-Дону и станицы Синявской оккупанты были названы «псами» [Там же, с. 34, 44].

Отметим, что в числе визуальных символов борьбы с оккупационным режимом партизанами Ростовской области использовался образ В. И. Ленина. Так, партизаны Таганрогского подполья вручали портрет «Великий Ленин с нами!» тем, кто шёл на исполнение диверсионного задания [Там же, с. 4].

Авторы агитационных плакатов обращаются и к сюжетам истории казачества, ещё незадолго до того не использовавшейся в публичном дискурсе. Плакат «Казачи Дона! Бейте немецких фашистов, как ваши предки били Наполеона» [ГАРО, Фотокаталог, А-11357] использует исторический мотив в качестве символа казачьей доблести, сочетающейся с передовыми социалистическими достижениями: на фоне наступающей казачьей кавалерии были изображены атакующие советские боевые самолёты. Визуальные источники позволят в лучшей степени понять механизм влияния образов на политические мотивы, связанные с добровольческим движением. Формой мотивации для сопротивления становилось сохранение символов советской эпохи, важных для Советского государства. При этом людей зачастую не останавливала даже угроза смерти. Так, например, один из рабочих Ростовского паровозоремонтного завода Д. И. Овчаров сохранил от оккупантов чугунный бюст В. И. Ленина [Морозов, 1969, с. 189]. Кол-

хозник колхоза им. Буденного Я. Н. Бережной сохранил знамя Верховного Совета СССР в период немецкой оккупации [ЦДНИРО, ф. Р-3, оп. 1, д. 42, л. 6]. Во время отхода Красной армии в июле 1942 года он отправлял в эвакуацию отару овец. 3 августа 1942 года к Бережному подошел старший лейтенант и, не представившись, сказал: «Вот, отец, знамя одной воинской части, если ты советский человек, то сохранишь знамя, когда мы вернемся обратно на Дон, я приду и знамя ты мне лично передашь, а погибну, передашь партийным органам, я знамя уже не в силах сохранить, за мной следят, разыскивают» [Там же, л. 14]. Факт сохранения знамени был оценен: после установления личности старшего лейтенанта Я. Н. Бережной получил орден Красного знамени [Там же, л. 12].

Организации работы по культурному обслуживанию агитпунктов, госпиталей и воинских частей в первые дни войны уделялось первостепенное внимание. Именно в использовании художественных образов, средств кинематографии партия видела возможности для широкой мобилизации народных масс на фронт. В области было создано 33 бригады «из работников искусств разных жанров», а также 25 бригад художественной самодеятельности [ЦДНИРО, ф. Р-9, оп. 1, д. 308, л. 7; лл. 208—216]. Кинотеатры на 6 июля 1941 года провели 252 целевых киносеанса «оборонной и антифашистской тематики».

3.3. Личная мировоззренческая мотивация как ключевой фактор формирования добровольчества

Личные мотивы борьбы с врагом состояли как в мести, так и в служении профессиональному долгу. Так, ответственным за пополнение оружейных arsenалов для всей таганрогской подпольной организации был кузнец таганрогского завода «Красный гидропресс» М. Ф. Плотников. Оккупанты убили двух его сыновей. Весной 1942 года немцы отправили на принудительные работы в Германию его старшего сына Николая, которому исполнилось 16 лет, а зимой 1943 года немецкий офицер застрелил младшего сына М. Ф. Плотникова — Георгия [Рожденный дважды ..., 1982, с. 44—45]. Именно это наряду с другими факторами стало, по всей видимости, одним из решающих мотивов вступления Плотникова в партизанский отряд.

Формой участия в добровольческом движении против оккупантов становится и профессиональный саботаж. Например, врач поликлиники «Ростсельмаша» Д. П. Ломова, выдавая некорректные справки о болезни, спасла от депортации в Германию около 700 человек [Ростов-на-Дону: Исторические очерки, 1979, с. 184].

Внутреннюю мотивацию добровольцев объясняют нам и письма с фронта. В письме Буряченкова (И. О. неизвестны), жителя станицы Лихой, сказано «... буду драться до последней капли крови за свою Ро-

дину. Отдам все свои силы, даже не пожалею и жизни, чтобы наши дети жили так, как мы жили, а не рабами» [Любимые, ждите!..., 2019, с. 51]. Мотив справедливой мести подчёркивал характер Отечественной войны, устанавливал понятные ориентиры для призванных и потенциальных добровольцев. А. Г. Гончаров, ушедший добровольцем на фронт, писал: «... Скоро ты услышишь и о нашем продвижении вперёд. Вот когда проклятая гитлеровская свора заплатит нам за всё...» [Летопись Победы ..., 2023, с. 95] Солдатские письма являются, возможно, одним из примеров деидеологизированных советских текстов времен войны. Глубоко личный мотив защиты Родины, которая ассоциировалась с близкими, детьми и родным домом, свидетельствует о сложной структуре советского политического сознания времён войны. Важна и сформировавшаяся на фронте коллективная солидарность. Так, в письме П. А. Штахановского, комиссара Ростовского стрелкового полка народного ополчения, отмечается необходимость представления к награде широкого круга ополченцев, которые «заслужили [это] своими делами мужества, отваги и геройства» [Там же, с. 57].

Особую эмоциональную значимость имели клятвы и присяги партизан, которые они давали перед вступлением в отряд или в организацию подпольщиков, а также перед выполнением ответственного боевого задания. В. И. Афанов и П. С. Подолякин, участники партизанского отряда завода «Красный гидропресс» в Таганроге, составили клятву, которую обязаны были соблюдать все подпольщики. «Я, вступая в ряды борцов против немецких захватчиков, клянусь, что: ... 2. Буду бдителен и неболтлив. 3. Беспрекословно буду выполнять даваемые мне поручения и приказы. Если я нарушу эту клятву, пусть моим уделом будет всеобщее презрение и смерть» [Рожденный дважды..., 1982, с. 42]. Героической по своему содержанию и значению является присяга партизанки Е. А. Мирошниковой, которая была выдана коллаборационистом Ф. Деревянкиным, старостой в станице Мигулинской. По показаниям жителей последними её словами были: «...чем с вами жить, с гадами, лучше умереть! Умру за Родину, за Сталина!» [ЦДНИРО, ф. Р-3, оп. 1, д. 67, л. 60].

3.4. Влияние агитационно-пропагандистского фактора на личную и коллективную мотивацию добровольцев

Государственная агитация и пропаганда в предвоенный и военный период становилась важнейшим инструментом влияния на ценности и установки советских граждан. В своих агитационных материалах и политинформациях партизаны используют такие характеристики, как «великие», «священная», что свидетельствует о значимости родного края и Красной армии в деле совершения социального выбора. «До последнего вздоха, до последней капли крови буду работать на священную Родину, на помощь

Великим защитникам — Красной армии за разгром немецких оккупантов» [ЦДНИРО, ф. Р-3, оп. 1, д. 67, л. 61].

При этом в документах, описывающих внутреннюю номенклатуру партизанских отрядов, довольно часто актуализируется дихотомия «свой — чужой». В рамках данного противопоставления даже коммунисты могли оказаться «бывшими». Об этом свидетельствует описание поведения некоторых членов ВКП(б), оставшихся в оккупации: они «не проявляли активности, а некоторые прямо начали служить немцам» [Там же, л. 23].

Данные факты иллюстрируют значимость национальных и государственных символов, так как самоидентификация рядовых граждан, не вступавших в регулярные подразделения, была напрямую связана с государственной символикой. Вступая в партизанский отряд, доброволец принимал присягу, которая содержала в числе прочих положение о верности советскому обществу, государству и его символике.

Партийная пропаганда также становилась одним из факторов, оказавших влияние на формирование убеждений добровольцев. Системная работа идеологических отделов давала свой результат в условиях контроля за распространением информации. Так, уже в июне 1941 года лекторы Ростовского городского комитета ВКП (б) демонстрировали плакаты и лозунги, призывающие к самоотверженному труду в поддержку фронта и победы. Рабочие завода «Ростсельмаш», посещавшие агитвстречи, интересовались международной обстановкой и тем, какие страны поддерживают Германию [ЦДНИРО, ф. Р-13, оп. 2, д. 41, л. 15—16].

С началом войны наблюдается резкое увеличение числа агитаторов. В Ростове-на-Дону, например, на 1 января 1941 года было 4 тыс. агитаторов, а к концу июля 1941 года их стало больше 7 тыс. [ЦДНИРО, ф. Р-9, оп. 5, д. 1077, л. 40—41]. Именно активная работа партийных организаций и ВЛКСМ способствовала формированию городских ополчений и активному вступлению в добровольческие подразделения Ростовской области. Согласно постановлению бюро Ростовского обкома ВКП(б) «О народном ополчении в Ростовской области» от 5 июля 1941 года «трудящиеся, охваченные патриотическим порывом, настойчиво выдвигали предложение, чтобы по нашей области приступили к подготовке народного ополчения» [Завещано помнить..., 2015, с. 28].

10 июля 1941 года в составе 58-й армии был сформирован Ростовский стрелковый полк народного ополчения. В 1-ю и 2-ю роты вошли работники завода «Ростсельмаш» (около 200 человек). Разнородным был и социальный состав формирующихся частей: ветераны Гражданской войны, молодёжь, не призванная по состоянию здоровья. К 31 июля 1941 года на заводе уже было порядка 3 тыс. чел. вступивших в народное ополчение

[Там же, с. 31]. В этом же месяце в области началось активное создание агитпунктов, среди которых активную работу вёл агитпункт «Ростсельмаша». Добровольчество приобретало характер поддержки фронта в виде создания пожарных и санитарных дружин (24 сандружины). Заводские комсомольцы организовывали ночные дежурства после 22:00 и получили право задерживать подозрительных лиц [Перехов и др., 2004, с. 304].

Война способствовала росту функциональных полномочий агитаторов и повышению требований к их работе. Так, в воззвании секретаря отдела пропаганды и агитации Большекрепинского РК ВКП(б) Л. Б. Финкельсона, погибшего во время освобождения Донбасса 18 августа 1943 года (награждён посмертно Орденом Отечественной войны II степени [ЦАМО, ф. 33, оп. 686044, д. 407, л. 37—38]), закреплялся тезис о том, что «агитатору требуется предъявлять большие, чем когда бы то ни было, требования. Он должен проводить не только массовую политическую работу, но и хорошо знать и уметь научить других пользоваться средствами противовоздушной и противохимической обороны, оказывать первую помощь раненым, пользоваться револьвером, винтовкой, гранатой, распознавать вражеские самолеты...» [Знамя Ленина..., 1941, № 51, с. 2]. При этом далеко не всегда работа партийных агитаторов и местных горкомов и райкомов партии признавалась удовлетворительной. В докладе «О массово-политической работе с населением в Каменской и Новочеркасской городских парторганизациях в условиях отечественной войны» от 29 сентября 1941 года сообщается, что агитбригады в Каменске не провели ни одной беседы, в том числе среди «уходящих в Красную армию». В результате такой халатности «здесь стало возможно распространение вражеских слухов» [ЦДНИРО, ф. Р-9, оп. 1, д. 315, л. 121].

Важную роль в формировании патриотических установок играла и печать. Так, в ростовском партизанском отряде Югова издавались листовки-опровержения, распространяемые с целью развенчать пропаганду противника. В ответ на распространение коллаборационистских материалов выходит листовка, где сказано, что «никакого Русского комитета не существует, Власов и Малышкин — это оголтелая банда предателей и прихвостней гитлеровских головорезов» [ЦДНИРО, ф. Р-3, оп. 1, д. 15, л. 10]. Авторы листовки подчёркивают масштаб разрушения города — обращают внимание на разрушенные театр им. Горького, здания издательства газеты «Молот» и главного управления железной дороги. В Мигулинском районе Ростовской области отрядом «Донской казак» распространялась листовка «Казачи, казачки и все честные советские люди» [ЦДНИРО, ф. Р-3, оп. 1, д. 67, л. 78], в которой сообщалось о преступлениях оккупантов и успехах Калининского и Западного фронтов. «Бейте и уничтожайте немцев, итальянцев, предателей и изменников. Сообщайте о замыслах врага,

по примеру белорусских патриотов переходите фронт, вступайте в Красную армию, идите в партизаны» [ЦДНИРО, ф. Р-3, оп. 1, д. 67, л. 78 об]. Издавалась и распространялась газета «Коммунист Дона» Мигулинского райкома партии. Показательно, что в газете уделялось внимание не только наступлению Красной армии, но и характеру совершаемых нацистами преступлений: массовый угон молодёжи в Германию, расстрелы мирного населения в поселке Хотунок под Новочеркасском, многочисленные изнасилования местных женщин [ЦДНИРО, ф. Р-3, оп. 1, д. 67, л. 79 об].

Листовка «Не работайте на немецких оккупантов!» [ЦДНИРО, ф. Р-3, оп. 1, д. 139, л. 218—218 об] содержала призыв комсомольцев к молодежи (вводились такие именованья, как «молодой рабочий», «молодой железнодорожник»), находившейся в оккупации, саботировать работу на оккупантов и уничтожать вражеские ресурсы и коммуникации.

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, персональные мотивы оказания сопротивления оккупантам необходимо оценивать как уникальный историко-психологический феномен военных лет. Анализ архивных и опубликованных источников позволяет сделать вывод о том, что личные мотивы становятся важными для самоопределения добровольцев Ростовской области в сложный период начала войны и борьбы за свободу родного края. Примечательно, что в документах прослеживается два основных образа эпохи, две модели мотивации. Во-первых, это модель «воина-ополченца», в основном жителя крупных городов Ростовской области. Военные действия для этого участника проходят либо в родном краю при обороне своего города или района, либо вдали от Дона. Для него характерны войсковая солидарность, стремление оказать посильную помощь в деле обороны. Именно добровольцы народных ополчений обеспечили значительный приток живой силы в РККА в первые два месяца войны. Во-вторых, это «модель партизана-подпольщика», как правило, члена партии или комсомольца. Данная модель представляет собой человека, активно боровшегося с оккупантом на знакомой ему территории. Для подпольщиков одним из мотивов сопротивления становится активное привлечение проверенных сторонников в партизаны и подъём освободительного движения на оккупированных территориях.

Анализ материалов печати и пропаганды добровольческих подразделений позволяет выявить и систематизировать средства убеждения, используемые добровольцами, приёмы и методы воздействия тогдашних печатных средств массовой информации на общественное сознание. Для этого привлекались вербальные и невербальные инструменты, формирующие желание к сопротивлению. Даже в процессе межличностной коммуника-

ции с родными добровольцы обращают внимание на народный характер войны, сообщая близким о том, почему они борются с врагом.

По нашему мнению, без анализа институциональных аспектов, влияющих на контекст эпохи, данные направления исследования оказались бы неполными. В качестве перспективы исследования данного вопроса представляется возможным источниковедческий анализ воспоминаний, мемуарной литературы, который позволил бы расширить представления о личностных мотивах донских добровольцев.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	The author declares no conflicts of interests.
---	--

Источники и принятые сокращения

1. *«Арийские братья по крови (пролитой)»* // Крокодил, 1936. — № 34. — С. 12.
2. ГАРО — *Государственный архив Ростовской области*. Ф. Р-3737 (Исполнительный комитет Ростовского областного совета депутатов трудящихся); Фотокаталог.
3. *Завещано помнить... Донские архивы — 70-летию Великой Победы*. Сборник документов и материалов. — Ростов-на-Дону : Альтаир, 2015. — 280 с. — ISBN 978-5-91951-261-5.
4. *Знамя Ленина*. Станица Больше-Крепинская. — 1941. — 24 июля. — № 51. — С. 2.
5. *И помнит мир спасенный...* : сборник документов архивов Ростовской области. — Ростов-на-Дону ; Белгород : Константа, 2020. — 648 с.
6. *Летопись Победы и хроника чувств*. Письма дончан с фронтов Великой Отечественной войны : сборник документов, посвященный 80-летию полного освобождения Ростовской области от немецко-фашистских захватчиков / сост. : Е. Л. Абрамова, Е. А. Хошафян (отв. сост.) [и др.] ; ред. Коллегия : Ю. А. Фролов (отв. ред.) [и др.] ; науч. ред.-консультант А. В. Аверьянов. — Ростов-на-Дону ; Таганрог : Издательство Южного федерального университета, 2023. — 236 с. — ISBN 978-5-9275-4431-8.
7. *Листовки донского подполья*. (1941—1943 гг.) : [Сборник] / Парт. архив Рост. обкома КПСС. — Ростов-на-Дону : Кн. изд-во, 1963. — 79 с.
8. *Любимые, ждите! Я вернусь...* : фронтовые письма 1941—1945 гг. / [авт.-сост. Н. К. Петрова]. — Москва : Вече, 2019. — 549 с. — ISBN 978-5-4484-0929-5.
9. *«Правдивый ответ»* // Крокодил. — 1936. — № 31. — С. 16.
10. *«Суд идёт!»* // Крокодил. — 1935. — № 15. — С. 1.
11. ЦАМО — *Центральный архив Министерства обороны*. Ф. 33 (Главное Управление кадров НКО).
12. ЦДНИРО — *Центр документации новейшей истории Ростовской области*. Ф. Р-3. (Документы о партизанском движении в Ростовской области в годы Великой Отечественной войны); Ф. Р-9 (Ростовский обком ВКП (б)); Ф. Р-13 (Ростовский ГК КПСС).
13. *«Хорошо немецкому солдату»* // Крокодил. — 1942. — № 5. — С. 1.

Литература

1. *Боле Е. Н.* Движение добровольцев в годы Великой Отечественной войны : мотивация вступления в действующую армию тылового населения страны / Е. Н. Боле //

Военно-историческая антропология. Ежегодник. 2005/2006. Актуальные проблемы изучения. — Москва : РОССПЭН, 2006. — С. 232—246.

2. *Васильцов К. М.* Формирование донских добровольческих кавалерийских дивизий в 1941—1942 годах по воспоминаниям С. И. Горшкова / К. М. Васильцов // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. — 2020. — № 4 (208). — С. 54—58.

3. *Волошинов Ф. Ф.* Летопись Ростовской Пресни / Ф. Ф. Волошинов, Г. С. Морозов. — Ростов-на-Дону : Книжное издательство, 1969. — 283 с.

4. *Кирсанов Н. А.* Великая Отечественная война 1941—1945 гг. : национальные и добровольческие формирования по разные стороны фронта / Н. А. Кирсанов, С. И. Дробязко // Отечественная история. — 2001. — № 6. — С. 60—75.

5. *Колесник А. Д.* Ополченские формирования Российской Федерации в годы Великой Отечественной войны / А. Д. Колесник ; Отв. ред. Ю. А. Поляков. — Москва : Наука, 1988. — 286 с.

6. *Коробицына Л. В.* Современная российская историография Великой Отечественной войны : траектории и тенденции развития / Л. В. Коробицына // Запад, Восток и Россия : Вопросы всеобщей истории. — 2019. — Выпуск 22 : Социум и память. — С. 126—130. — DOI: 10.26170/vvi19-02-09.

7. *Кринко Е. Ф.* Великая Отечественная война в историко-антропологических исследованиях / Е. Ф. Кринко // Русская старина. — 2020. — № 11 (1). — С. 4—13. — DOI: 10.13187/rs.2020.1.4.

8. *Кринко Е. Ф.* Новые подходы и проблемы в изучении нацистской оккупации советских территорий в годы Великой Отечественной войны / Е. Ф. Кринко // Фундаментальные исследования, инновационные технологии и передовые разработки в интересах долгосрочного развития Юга России : материалы Международного научного форума, посвященного 20-летию ЮНЦ РАН, Ростов-на-Дону, 08—10 февраля 2023 года. — Ростов-на-Дону : Федеральное государственное бюджетное учреждение науки “Федеральный исследовательский центр Южный научный центр Российской академии наук”, 2023. — С. 349—352.

9. *Литвинова О. Н.* Эволюция партизанской этики в годы Великой Отечественной войны (по материалам Брянщины) / О. Н. Литвинова // Ярославский педагогический вестник. — 2016. — № 1. — С. 297—302.

10. *Медведев Т. Д.* Советские добровольческие формирования в Великой Отечественной войне : историография вопроса / Т. Д. Медведев // Российская история. — 2022. — № 3. — С. 146—153. — DOI: 10.31857/S0869568722030116.

11. *Пилишвили Г. Д.* Пропагандистская работа органов власти и ее эффективность в деле привлечения населения в ряды народного ополчения на территории Воронежской, Курской и Тамбовской областей летом 1941 г. / Г. Д. Пилишвили // Личность, общество, власть: прошлое и современность : Материалы Двенадцатой региональной научной конференции, Воронеж, 02 февраля 2018 года. — Воронеж : Воронежский государственный университет, 2018. — С. 171—177.

12. *Рожденный дважды* : Очерки истории завода. — Ростов-на-Дону ; Кн. изд-во, 1982. — 144 с.

13. *Романов П.* «Глазной советский человек» : правила (подо)зрения / П. Романов, Е. Ярская-Смирнова // Визуальная антропология: режимы видимости при социализме. — Москва : ANO CSPGS, 2009. — 448 с. — ISBN 978-5-903360-25-3.

14. *Ростсельмаш* : история. В 3 т. / Под общ. ред. Ю. А. Пескова. — Ростов-на-Дону : [б. и.], 2004. — Т. 1. — 576 с.

15. *Савицкий И. М.* Движение добровольцев Западной Сибири в действующую Красную Армию в годы Великой Отечественной войны / И. М. Савицкий // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. — 2017. — № 3 (23). — С. 189—196.

16. *Сенявская Е. С.* 1941—1945 : Фронтовое поколение : Историко-психологическое исследование / Е. С. Сенявская. — Москва : ИРИ, 1995. — 218 с.

17. *Сенявская Е. С.* Психология войны в XX веке : исторический опыт России / Е. С. Сенявская. — Москва : «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1999. — 383 с.

18. *Серебрянников В. В.* Социология войны / В. В. Серебрянников. — Москва : Ось-89, 1998. — 317 с.

19. *Синицын А. Д.* Из истории создания добровольческих частей и соединений Советской Армии / А. Д. Синицын // Военно-исторический журнал. — 1973. — № 1. — С. 11—18.

20. *Словарь основных исторических понятий : избранные статьи : в 2 т. / пер. с нем. К. Левинсон ; сост. Ю. Зарецкий. К. Левинсон, И. Ширле ; науч. ред. пер. Ю. Арнаутова.* — Москва : Новое литературное обозрение, 2014. — Т. 1. — 736 с. — ISBN 978-5-4448-0502-2.

21. *Трут В. П.* Войны в истории человечества / В. П. Трут // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4 : История. Регионоведение. Международные отношения. — 2021. — Т. 26. — № 1. — С. 10—12. — DOI: <https://doi.org/10.15688/jvsu4.2021.1.1>.

22. *Трут В. П.* Добровольческое движение в Ростовской области в период Великой Отечественной войны / В. П. Трут // Научный альманах стран Причерноморья. — 2023. — Т. 9. — № 4. — С. 38—43. — DOI: <https://doi.org/10.23947/2414-1143-2023-9-4-38-43>.

23. *Уроки Змиевской балки : сборник методических рекомендаций по итогам Международного научно-практического форума «Змиевская балка : история геноцида» (Ростов-на-Дону, 12—14 сентября 2022 года) [Электронное издание сетевого распространения] / под общ. ред. С. Г. Безбородовой ; науч. ред. В. Л. Шаповалов ; отв. сост. В. В. Черемухин.* — Москва : МПГУ, 2022. — 174 с.

*Статья поступила в редакцию 29.01.2024,
одобрена после рецензирования 26.03.2024,
подготовлена к публикации 22.04.2024.*

Material resources

And the saved world remembers ...: a collection of documents from the archives of the Rostov region. (2020). Rostov-on-Don; Belgorod: Constant. 648 p. (In Russ.).

“Aryan brothers in blood (shed)”. (1936). “*Crocodile*”, 34: P. 12. (In Russ.).

Beloved, wait! I will return...: frontline letters of 1941—1945. (2019). Moscow: Veche. 549 p. ISBN 978-5-4484-0929-5. (In Russ.).

Bequeathed to remember... Don Archives — the 70th anniversary of the Great Victory. Collection of documents and materials. (2015). Rostov-on-Don: Altair. 280 p. ISBN 978-5-91951-261-5. (In Russ.).

CDNIRO — *Documentation Center of the modern history of the Rostov region. F. R-3. (Documents on the partisan movement in the Rostov region during the Great Patriotic*

- War); F. R-9 (Rostov Regional Committee of the CPSU (b)); F. R-13 (Rostov CC CPSU). (In Russ.).
- GARO — State Archive of the Rostov region. F. R-3737 (Executive Committee of the Rostov Regional Council of Worker's Deputies); Photo catalog. (In Russ.).
- “Good for the German soldier”. (1942). “Crocodile”, 5: P. 1. (In Russ.).
- Leaflets of the Don underground. (1941—1943): [Collection]. (1963). Rostov-on-Don: Publishing House. 79 p. (In Russ.).
- Lenin's Banner. (1941). *The Village Is Bigger-Krepinskaya, 51. July 24th.* (1941). P. 2. (In Russ.).
- The chronicle of Victory and the chronicle of feelings. Letters of Donetsk residents from the fronts of the Great Patriotic War: a collection of documents dedicated to the 80th anniversary of the complete liberation of the Rostov region from the Nazi invaders.* (2023). Rostov-on-Don; Taganrog: Southern Federal University Press. 236 p. ISBN 978-5-9275-4431-8. (In Russ.).
- “The trial is coming!”. (1935). “Crocodile”, 15: P. 1. (In Russ.).
- “The truthful answer”. (1936). “Crocodile”, 31: P. 16. (In Russ.).
- TsAMO — Central Archive of the Ministry of Defense. F. 33 (Main Directorate of Personnel of NGOs). (In Russ.).

References

- Bole, E. N. (2006). The movement of volunteers during the Great Patriotic War: motivation for joining the active army of the country's rear population. In: *Military historical anthropology. The yearbook. 2005/2006. Actual problems of studying.* Moscow: ROSSPEN. 232—246. (In Russ.).
- Born twice: Essays on the history of the plant.* (1982). Rostov-on-Don; Publishing house. 144 p. (In Russ.).
- Dictionary of basic historical concepts: selected articles: in 2 volumes, 1.* (2014). Moscow: New Literary Review. 736 p. ISBN 978-5-4448-0502-2. (In Russ.).
- Kirsano, N. A., Drobyazko, S. I. (2001). The Great Patriotic War of 1941—1945: national and volunteer formations on different sides of the front. *Russian history*, 6: 60—75. (In Russ.).
- Kolesnik, A. D. (1988). *Militia formations of the Russian Federation during the Great Patriotic War.* Moscow: Nauka. 286 p. (In Russ.).
- Korobitsyna, L. V. (2019). Modern Russian historiography of the Great Patriotic War: trajectories and development trends. *West, East and Russia: Issues of universal history*, 22: *Society and Memory*. 126—130. DOI: 10.26170/vvi19-02-09. (In Russ.).
- Krinko, E. F. (2023). New approaches and problems in the study of the Nazi occupation of Soviet territories during the Great Patriotic War. In: *Fundamental research, innovative technologies and advanced developments in the interests of long-term development of the South of Russia: materials of the International Scientific Forum dedicated to the 20th anniversary of the UNC RAS, Rostov-on-Don, 08—10 February 2023.* Rostov-on-Don: Federal State Budgetary Institution of Science “Federal Research Center Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences”. 349—352. (In Russ.).
- Krinko, E. F. (2020). The Great Patriotic War in historical and anthropological studies. *Russian Antiquity*, 11 (1): 4—13. DOI: 10.13187/rs.2020.1.4. (In Russ.).
- Lessons of the Zmievskaia beam: a collection of methodological recommendations based on the results of the International scientific and practical Forum “Zmievskaia Beam:*

- the history of genocide*" (Rostov-on-Don, September 12—14, 2022). (2022). Moscow: MPSU. 174 p. (In Russ.).
- Litvinova, O. N. (2016). The evolution of partisan ethics during the Great Patriotic War (based on the materials of the Bryansk region). *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*, 1: 297—302. (In Russ.).
- Medvedev, T. D. (2022). Soviet volunteer formations in the Great Patriotic War: historiography of the issue. *Russian History*, 3: 146—153. DOI: 10.31857/S0869568722030116. (In Russ.).
- Pilishvili, G. D. (2018). Propaganda work of the authorities and its effectiveness in attracting the population to the ranks of the people's militia in the Voronezh, Kursk and Tambov regions in the summer of 1941. In: *Personality, society, power: past and present: Materials of the Twelfth regional Scientific conference, Voronezh, February 02, 2018*. Voronezh: Voronezh State University. 171—177. (In Russ.).
- Romanov, P. (2009). "The Soviet eye man": rules (podo)Visual anthropology: modes of visibility under socialism. In: *Visual anthropology: modes of visibility under socialism*. Moscow: ANO CSPGS. 448 p. ISBN 978-5-903360-25-3. (In Russ.).
- Rostselmash: history. In 3 tt., 1. (2004). Rostov-on-Don: [b. i.]. 576 p. (In Russ.).
- Savitsky, I. M. (2017). The movement of volunteers from Western Siberia to the active Red Army during the Great Patriotic War. *Bulletin of the Orenburg State Pedagogical University. Electronic scientific journal*, 3 (23): 189—196. (In Russ.).
- Senyavskaya, E. S. (1995). *1941—1945: The frontline generation: A historical and psychological study*. Moscow: IRI. 218 p. (In Russ.).
- Senyavskaya, E. S. (1999). *Psychology of war in the twentieth century: the historical experience of Russia*. Moscow: "Russian Political Encyclopedia" (ROSSPEN). 383 p. (In Russ.).
- Serebryannikov, V. V. (1998). *Sociology of war*. Moscow: Os-89. 317 p. (In Russ.).
- Sinitsyn, A. D. (1973). From the history of the creation of volunteer units and formations of the Soviet Army. *Military Historical Journal*, 1: 11—18. (In Russ.).
- Trut, V. P. (2023). The volunteer movement in the Rostov region during the Great Patriotic War. *Scientific almanac of the Black Sea countries*, 9 (4): 38—43. DOI: <https://doi.org/10.23947/2414-1143-2023-9-4-38-43>. (In Russ.).
- Trut, V. P. (2021). Wars in the history of mankind. *Bulletin of the Volgograd State University. Episode 4: The Story. Regional studies. International relations*, 26 (1): 10—12. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.1.1>. (In Russ.).
- Vasiltsov, K. M. (2020). The formation of the Don volunteer cavalry divisions in 1941—1942 according to the memoirs of S. I. Gorshkov. *Izvestia of higher educational institutions. The North Caucasus region. Social sciences*, 4 (208): 54—58. (In Russ.).
- Voloshinov, F. F., Morozov, G. S. (1969). *Chronicle of Rostov Presnya*. Rostov-on-Don: Book Publishing House. 283 p. (In Russ.).

*The article was submitted 29.01.2024;
approved after reviewing 26.03.2024;
accepted for publication 22.04.2024.*